

ПОД СЕВЕРНЫМИ СОЗВЕЗДИЯМИ

По страницам полярного дневника

В. П. Евладов

20–30-е гг. XX в. – начало освоения высоких широт и Северного морского пути теми, кто нес в себе дух подлинного патриотизма, научного подвижничества и гуманизма, не извращенного коммунистической утопией. Можно вспомнить целую плеяду героев Севера: академика О. Ю. Шмидта, И. Д. Папанина, автора известной книги «Жизнь на льдине»; летчиков – Героев Советского Союза, спасших экспедицию раздавленного льдинами в Чукотском море парохода «Челюскин». Благодаря этим людям те годы воспринимаются нами не только как годы террора и ГУЛАГа, но и как время действительно больших свершений, прорывов в науке и практике, удививших мир. К ним принадлежит и автор полярного дневника. Мы вправе гордиться теми страницами нашей истории, которые оставили люди, подобные В. П. Евладову.

Полярный исследователь Владимир Петрович Евладов (1893–1974) окончил Петербургский институт инженеров путей сообщения, в 1916 г. был мобилизован, проходил военную службу в составе Второго Балтийского флотского экипажа, затем был направлен в школу морской авиации, а после ее окончания – в школу мичманов.

Участие В. П. Евладова в северных экспедициях началось весной 1926 г. на полуострове Ямал, где он работал топографом и знакомился с жизнью кочевников-оленьеводов. Общение с ними требовало знания их языка; овладев им, он составил ненецко-русский словарь. К результатам его обследования быта кочевников на Севере проявили интерес Полярная комиссия Академии наук СССР и организованный ВЦИК СССР Комитет Севера, которым руководил известный партийный и государственный деятель П. Г. Смидович.

В разработке комплексной программы для новой экспедиции, руководителем которой был назначен В. П. Евладов, деятельное участие приняли известные ученые С. А. Батурлин, В. Г. Тан-Богораз, А. А. Бялыницкий-Бируля, Б. М. Житков и др. Эта экспедиция состоялась в 1928–1929 гг. Она прошла по Ямалу до Белого острова включительно, собрала обширный материал для коллекций, наметила места новых поселений, провела статистическую перепись населения и хозяйственных объектов и представила результаты исследований и практические предложения по реконструкции хозяйства тундры.

В дальнейшем Владимир Петрович работал в Комитете Северного морского пути, организованном Наркомвнешторгом, а в 1933 г. был назначен начальником Северо-Уральского треста Главсевморпути, которым руководил известный полярник академик О. Ю. Шмидт. Деятельность треста, возглавляемого В. П. Евладовым, была тесно связана с возникновением на Ямале новых населенных пунктов – Дровяная, Тамбей, Се-Яга и др., а также промысловых баз на мысе Таран и на острове имени президента Географического общества СССР Ю. М. Шокальского. В. П. Евладов участвовал в экспедициях на Ямал, предпринимаемых Всесоюзным Арктическим институтом, вплоть до тюремного заключения, последовавшего в годы большого государственного террора. Его арестовали за «классово чуждое пролетариату» происхождение, однако затем освободили, и в годы Великой Отечественной войны он служил старшим офицером в одном из топографических отрядов Забайкальского военного округа. Дальнейшая жизнь и работа ветерана-полярника прошла в Забайкалье.

В пору «оттепели» возобновились его связи с научным миром. К ветерану-полярнику, которого хорошо знали герои Севера О. Ю. Шмидт и И. Д. Папанин, проявили интерес в Новосибирском институте гуманитарных наук и Московском институте этнографии имени Миклухо Маклая. В 1964 г. он был приглашен в Москву на

VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, на котором выступал с докладом.

В Забайкалье В. П. Евладов вернулся к обработке своих полевых дневников и других материалов северных экспедиций. В дар директору Новосибирского института академику А. П. Окладникову и научному коллективу Владимир Петрович передал обширный материал о Ямальской экспедиции 1928–1929 гг. Уже после кончины ветерана-полярника при содействии Института проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН в 1992 г. вышла его книга «По тундрам Ямала к Белому острову». В Москве в 1998 г. был издан альбом экспедиционных фотографий, сделанных В. П. Евладовым. Сын полярника П. В. Евладов передал рукописи, дневники, письма, фотографии и личные вещи своего отца Ямало-Ненецкому окружному музейно-выставочному комплексу.

При содействии губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа Ю. В. Неёлова создана новая книга ветерана-полярника «Полярная Ямальская зимовка. Экспедиция Всесоюзного Арктического института 1935–1936 годов». Она составлена его сыном – П. В. Евладовым. Повествование о зимовке ученого-полярника в 1935–1936 гг. на фактории Дровяной состоит из дневников и других материалов исследователя, от которых при всей их деловой направленности веет приключениями и романтикой.

В предисловии, написанном губернатором ЯНАО Ю. В. Неёловым, отмечается, что именно Владимир Петрович основал фактории Дровяную и Тамбейскую. Для всех, кто интересуется историей, бытом и культурой коренных малочисленных народов Севера, повествование полярника открывает немало неизвестных страниц. «Он думал о том, как изменить жизнь на Ямале, чтобы она стала ярче и лучше, как облегчить быт кочевого населения, приобщить ненцев к той новой и прекрасной жизни, которая, как он верил, должна начаться в тундре. Владимир Петрович не был мечтателем и кабинетным ученым, он стремился внести свой вклад в приближение этого будущего», – пишет губернатор округа Ю. В. Неёлов.

Фрагменты документального повествования В. П. Евладова мы предлагаем вниманию читателей. Журнальный вариант текста подготовлен с согласия составителя книги заведующим Екатеринбургской журнальной редакцией Академиздатцентра «Наука» РАН Э. П. Молчановым.

В. П. Евладов

Теперь, когда мне предстоит охватить своим повествованием все пережитое за это долгое путешествие, оставившее во мне наиболее глубокие впечатления, я естественно в той же мере испытываю радость при мысли о том, что могу рассказать, как и смиренную грусть при мысли о том, что я поневоле должен пропустить.

Кнуд Расмуссен

В 1935 году Всесоюзный Арктический институт снарядил в устье реки Оби ихтиологическую экспедицию под начальством Бурмакина в составе научных сотрудников: Евладов, Галкин, Шапошников – Ямальская группа; Проворов, Мутафий, Фурсов – Гыдаямская группа; Лунь и Широких – Таранская группа.

Задачей экспедиции было изучение сырьевой базы Ямальского пушного и рыбного промыслов, Гыдаямского пушного и рыбного, Северо-Обского зверобойного с целью увеличения промысловой добычи.

Моя зимовка на мысе Дровяном на Ямале признана стахановской и лучшей в системе Арктического института за 1935–1936 годы. Мне удалось, кроме выполнения прямых задач, развернуть самостоятельный промысел песка зимою на плавающих льдах Карского моря и добычу рыбы (омуля) новым способом на отливе моря. Кроме того, удалось собрать материал для карты Ямала и издать карту Ямала в 1937 году (Советская Арктика. № 4 – издание ВАИ), а также успешно провести выборы Тамбейского Национального совета по Северо-Ямальскому избирательно-

му участку; развернуть радиостанцию, работать на ключе и осуществить двухстороннюю радиосвязь в течение полугода 3 раза в сутки с островом Белым; удалось развернуть метеорологическую станцию и систематическими наблюдениями ввести ее в общую систему метеостанций СССР под № П-20; углубить изучение Ямальского оленеводства, начатое мною в 1926 году. На базе оленеводства, пушного и рыбного промыслов мы организовали Северо-Ямальское ППО (простейшее производственное объединение) – зачаток будущего первого колхоза на Северном Ямале.

14 июля. 1935

Пароход «Воткинский Завод» пришел в Тобольск в 21 час. Погрузился я быстро. Оля крепится при прощании. Петр вдруг понял, что уезжаю на год с четвертью, заморгал, но его значок «Юный Ворошиловский Стрелок» требует мужества, и он не выдает себя. Бориска – как всегда весел.

...Пароход отчалил. Ушли в 24 часа. Я готовлюсь спать...

3 августа. 1935

...Подшли к Тамбею в середине дня. Теплоход «Микоян» сходил в устье реки Тамбея, чтобы найти место для выгрузки школы и больницы. Но берега реки оказались низкими, и выгрузка на них, а тем более строительство невозможны. Чтобы найти высокий берег, требуется пройти по реке километров 30. Предлагают выгрузку произвести на фактории.

Вечером вышли на факторию. Дом фактории страшно запущен. Половина занята сырьем, набитым до потолка. Склад дыряв, крыша течет, он очень мал, товары осенью и зимой лежали под открытым небом.

Начал приемку метеостанции, чтобы по решению Полярного Сектора увезти ее на Дровяную.

5 августа. 1935

Вышли из Тамбея в 5 часов утра. Туман густой, море спокойное. Вечером теплоход встал на якорь. Меня позвал капитан и сказал:

- Ты, Владимир Петрович, не удивляйся, если мы пройдем мимо Дровяной.
- Что же, на Диксон нас повезешь?

– Высадим в Дровяной через два дня. Смотри, какой туман – надо ждать. Кроме того, мы думаем, что факторию уже прошли. Возвращаться не хочется.

– Ну, если дело только в двух-трех днях, то я согласен – иди на Диксон.

Значит, идем на Диксон. Спустился к рыбакам в трюм, чтобы сообщить. Мы получили свободную каюту, где можно заниматься, но спать я пошел на палубу, так как в каюте жарко.

6 августа. 1935

Утром проснулся от зычного окрика шкипера: «Эй, кто на Вилькицкий, стоим у острова!» Научный сотрудник Сигизмунд Сильверстович Лунь вскочил, собрался за полчаса, погрузился вместе с Малыгиным и двумя собаками; взял беломорский карбасик, который в густом тумане выглядел как гусь, высоко задрал нос. Корма ушла в волну.

Мы остались втроем: Гояна Христофоровна Шапошникова, Георгий Григорьевич Галкин и я. Взяли планктон с придонной зоны (10 метров) и опробовали фракционный лов (5 метров). Оказалось обилие рачка, есть и фитопланктон.

Днем туман разошелся, но ненадолго. Попадают редкие ледяные поля. К середине дня начало покачивать лихтер. Люки задраили брезентами. Грузы с палубы убрали.

В 16.30 слева по траверсу показались четыре судна на горизонте, очевидно, это иностранцы идут в Игарку параллельным курсом с нами. Суда как будто сближаются.

В 19 часов лихтер качает уже хорошо. Где-то постукивают плохо стоящие тяжести. Иностранцы приблизились до 8–10 миль. Ветер на зюйд-ост, и уже баллов 5. К ночи трепка сильная, кое-кого укачало.

Вот что рассказала позднее о нашем рейсе газета «Красный Север».

5 августа, оставив караван разгружаться в Тамбее, «Микоян», буксируя лихтер № 5, груженный углем для ледоколов, вышел в морской переход. «Микоян» бывал на Диксоне. Но речной теплоход, который строился с расчетом захода только до Нового Порто, никогда не рисковал идти с грузом по открытому морю. Закоулками, за островами, проливом Ов-

цына, Енисейским заливом добирался «Микоян» до Диксона в прошлом году. Вероятно, и нынче было бы так же, если бы не приказ академика О. Ю. Шмидта, начальника Главсевморпути.

Все шло по размеренному графику. Теплоход в срок пришел в Обдорск, потом в

Новый Порт, в Таз. Диксон был последним переходом в графике северного рейса. В один прекрасный день радист приносит радиограмму. Ледоколы стоят на Диксоне. Ждут угля, а приказ – 7 августа быть на Диксоне.

Спокойный график был разбит. Туманы и льды еще на сутки задержали караван у мыса Таран. Надо было спешить. Тогда возникло решение не идти закоулками, а прямо открытым Карским морем, огибая остров Вилькицкого, – к Диксону.

Так вот оно, море! Темно-зеленые волны идут с норда. Ветер гуляет полновластным хозяином. Лед и ветер в свое время делали Карское море непроходимым. Это знаменитый «ледяной погреб», где гибли первые отважные полярники, пытавшиеся пройти с запада на восток. Это море, в котором дрейфовали почти все русские и иностранные полярные экспедиции 1900–1920 годов. Утром высадили на остров Вилькицкого двух научных сотрудников Арктического института, был туман и штиль. А сейчас надвигается шторм. Волны гуляют по палубе лихтера, хлещут через борта. Страдающие морской болезнью лежат на койках.

«Микоян», маленький речной теплоход, буквально прорвался через море при восьмibalльном шторме. В отдельные моменты теплоход ложился на бок до 35 градусов, железный корпус его содрогался. Но, несмотря ни на что, теплоход входил в бухту Диксона в 3 часа утра 7 августа, в срок, установленный О. Ю. Шмидтом.

Гудок «Микояна» разбудил бухту... А в бухте было кому проснуться. На якорях стоят флаги едва ли не всего мира...

Экипаж «Микояна» высыпал на палубу. Здесь штурман Петров, матрос Деменев, механик Бейгер и кочегар Оттенберг, помполит Собылин и наметчик Виженин, отважные сыны нашей великой родины.

Вечером в каюту начальника рейса Шарашиова радист снова принес зеленый бланк. На этот раз из Омска. Секретарь обкома партии Булатов радирует: «Приветствую отважных моряков «Микояна», умеющих выполнять взятые обязательства».

7 августа. 1935

Проснулись в бухте Диксона. Ясное солнце, 5 часов утра. Шторм уже баллов 7, но в бухте спокойно. Только беляки свидетельствуют о сильном ветре.

Днем испытали подвесной мотор. Идет отлично. Незаметно пришли к порту Диксон. В порту мне дали разрешение на одну бочку бензина. Хорош питомник собак. Сейчас отправляют партию в 40 голов на восток, остается еще 40. Мне не смогли выделить пару для фактории. Вернулся против ветра, шлюпку захлестывала волна, два раза забивало свечи маслом, но после прочистки мотор работал вновь отлично. Надо считать испытание удачным.

10 августа. 1935

Простились с капитаном «Микояна» Владимиром Алексеевичем Беринговым...

Хабей-яга. Первая тень, невод 200 метров. Забросили три тони и взяли омуля штук 50. На теплоходе провели его обмер. За день проштудировал инструкцию по коллекционированию. Пришли к Дровяной в 2 часа ночи. Дождь, волна, ветер. Выгружались четыре часа.

Фактория Дровяная производит хорошее впечатление. Идет промысел рыбы, сдают по 90 копеек за килограмм мелочи и 1 рубль 20 копеек за крупную.

Из письма жене. 28/VIII-35

Милая, родная моя Оленька!

Пишу тебе первое письмо с места своей зимовки. Прошло только 1,5 месяца, как я уехал. Вечность прошла, как я не виделся с тобою, с детишками, с папой. Зимовка предстоит исключительно важная в научном отношении, и обстановка складывается благоприятно. Фактория стоит на ровном, слегка возвышенном над морем берегу. По песчаному берегу два раза в сутки идет прилив. Когда он подступает к самому возвышению, тогда волна отламывает куски берега, и они рушатся в воду, обнажая песчаные строения толщи, а местами обнажая ископаемый лед, ниже слоя вечной мерзлоты.

В полный отлив вода уходит на полкилометра от берега, а местами и на целый километр. Остаются широкие песчаные острова, а между ними узкие и мелкие тропочки, заливчики, озера. По этой отмели факторийные работники, а за ними и мы расставляем на кольях рыболовные сети отдельными порядками, стенками длиною по 100–150 метров перпендикулярно берегу. Во время отлива каждый из нас выходит к своему порядку и по колено в воде выбирает висящую и прыгающую в сетях рыбу. Идет только омуль – крупный, чистый, вкусный. Выйдешь к сетям с мешком и собираешь рыбу. В утренний отлив я взял 32 омуля около 20 килограммов весом, а в вечерний отлив я принес 42 омуля больше 25 килограммов. Так рыба пойдет с месяц. Полагаю, что сдам фактории за это время килограммов 300 и приработаю деньжонок. Уже сговорился с немцами ехать на Белый остров, но только в ноябре. Там попробуем взять дикого оленя и медведя. А в январе попытаюсь вокруг фактории добыть песка. С Белого пошлю телеграмму тебе и буду ждать там от тебя ответа.

Да! Я тебе не сказал об окружающих людях. Со мною еще два работника: Гал-

кин *Георгий Григорьевич* и *Шапошникова Гояна Христофоровна* – оба ихтиологи. Я около них учусь мерить рыб, определять их пол и возраст, брать коллекции планктона, бентоса и прочим премудростям. Оба они уедут с «Микояном» обратно.

На зимовке из ученых буду я один. Состав зимовщиков такой: зав. факторией *Мишуков Ефим Михайлович* – партией, хороший парень, рабочий. С ним жена *Мария* – простая несклочная женщина, детей у них нет. Затем – два парня, холостежь: комсомолец *Шулинин Саша* – кладовщик и *Крашевский Коля* – счетовод. Эти живут в одной комнате, часто заводят патефон. Далее – хлебопек *Сухоруков Дмитрий* с женой *Таней* и дочкой *Нюрой*, девятилеточкой. И еще рабочий *Кузеванов Степан* с женой *Фросей*, сыном *Санчиком* – восьми лет. Меня просят с ребятами позаниматься по школьной программе, чтобы не отстали от школы, и я, конечно, этим займусь.

Помещений на фактории достаточно, тесноты нет. Я получил отдельную комнату. Пишу это письмо и в окошечко поглядываю, как идет прилив. Вода подошла уже под самый берег. Сегодня – новолуние. Значит, приливы и отливы самые большие. Через 3 часа будет самая низшая точка отлива, и надо будет идти за новой рыбой. Сегодня я запоздал утром и когда пришел, то чайки уже съели почти всю добычу – я взял только 15 омуля. Чайки здесь большие, белые, роскошные...

8 сентября. 1935

Минимальную температуру термометр отметил ночью – 30 градусов. Во время метеорологических наблюдений у меня прихватило мизинец. Ночью сильный ветер, метров 15 в секунду, с запада. Скверно то, что для высмотра сетей требуется

встать в 2 часа ночи. Я встал в 1 час ночи и собрался за полчаса. Утренний улов дал 40 килограммов. Отливы очень велики, так как совпадают с юго-восточным ветром, который сгоняет воду.

11 сентября. 1935 год

Встал в 4.30. Ветер стихает. Туман. В тумане трудно разыскать сети, берега не видно. Опять ближние сети не посетил, так как не нашел их в тумане. На дальние сети вышел удачно. Вода на сетях большая. Я не мог понять – шел ли еще отлив и надо ждать обмеления сетей или уже начался прилив и надо торопиться с выбором рыбы из сеток. Точное время отлива я потерял. Отлив ежедневно опаздывает на полчаса против вчерашнего, и, пропустивши два-три дня, можно легко потерять точное время отлива. Принес вечером 54 килограмма омуля, выручила волокуша. Коллекционировал 120 рыб – исключительно омуль.

12 сентября. 1935

Встал в 5.30. Сон регулируется временем отлива. Опять туман, видимость 100 метров, нашел сети, исправил повреждения. Рыба идет в сети с севера на юг и с юга на север – видимо, кормится у берегов.

Была светлая лунная ночь. Невольно

думалось о необычности окружающей меня природы. Я нахожусь на тысячу километров севернее полярного круга. Пейзаж – безбрежная равнина влажного песка, недавно бывшего под водою. Вода моря сверкает в пятидесяти метрах от меня. Справа чуть видно темную полосу берега. Он ниточкой уходит в темноту на север и на юг. Где-то на этой темной полоске мой домик. Я в нем один со своими книгами. Вокруг меня по песку протекли речонки и ручейки, они остались от прилива, как и мелкие плоские озерцы. Через них я иду спокойно, без опасения оступиться в ямку или низинку. Мешок тяжел и тем приятнее, так как я зимую без денег, их мне дает эта рыба. Фактория принимает рыбу для засолки в неограниченном количестве.

14 сентября. 1935

Сдал вчерашнюю рыбу. Оказалось 69 килограммов, зафармалинил 5 крупных омулей для науки.

Днем занимался с детьми зимовщиков по школьной программе.

19 сентября. 1935

Утром земля покрыта снегом. В море забереги. Еще нет льда, но и волны нет. Шуга метра на два от берега. Тепло. На сетях был с Калачевым, прибывшим откуда-то из чумов. Калачев Анатолий Васильевич – странный человек; он приехал, оказывается, с нами на одном из лихтеров, в пути я его не видел. Он высадился на нашей фактории и в первый же день выехал с ненцами в их чумы. На фактории его никто не заметил, считали, что это один из матросов теплохода «Микоян». Он никому не показался на фактории, не познакомился. Мне это показалось подозрительным: будто человек скрывается.

Я спросил его документы. Он показал мандат Тазовского Национального совета на право заготовки оленей на территории Тазовского Нацсовета для Туруханской потребкооперации. Документы были датированы свыше года тому назад. Он, оказывается, законтрактовал уже кое у кого оленей и теперь собирался их забирать. Денег он не платил – их у него не было, и явно здесь какая-то афера. Я запретил ему заготавливать оленей на Ямале, а ненцам сказал, чтобы не отдавали ему

оленей. Я знал о запрещении подобных «заготовок» Комитетом Севера при ВЦИКе, а тут еще разговоры Калачева о желании поселиться в тундре со стадом оленей, жениться и прочее!

Он явно хотел заготовить оленей в личную пользу и притом без денег.

Я решил превысить свои полномочия научного сотрудника ВАИ и воспрепятствовать этой афере. Калачев, видя, что и здесь он налетел на представителя власти, обещал мне не производить заготовку и выехать в Салехард (Обдорск). Через пару дней он уехал, а я послал через Тамбей радиogramму Обдорскому РИКу. Калачева в Обдорске арестовали как афериста.

28 сентября. 1935

Встал в 6 часов. По отливу уже широкой полосой лежит лед, начинают на берегу расти торосы. Яркое солнце, безоблачное небо, повышенное барометрическое давление как будто обещают устойчивую, хорошую погоду. Мороз около 5 градусов. Сетка во льду. Промысел кончился до следующего лета.

Я перебрался в новое помещение из тесной фактории. Здесь полное одиночество, покой для занятий, только очень холодно.

29 сентября. 1935

Сегодня первый зимний день. Белая тундра глянула в окна. Надо забить часть окон. Ветер с юго-запада достиг 10 метров в секунду, того гляди будет метель. Занялся работой по утеплению каюты.

Тишина полная. День быстро уменьшается, скоро совсем зайдет солнце и начнет длинная непрерывная полярная ночь.

30 сентября. 1935

Сегодня безветренный день. Мерил глубину залегания мерзлоты. На одной горе она 72 см, на другой – 83. Поставил столб для метеобудки, буду наблюдать всю зиму, если не помешают особые препятствия. Исследователь, находясь в труднодоступных местах, должен добывать и собирать любые научные данные, хотя бы и не по своей специальности. Они всегда кому-нибудь пригодятся.

Очень сильное северное сияние в южной половине неба. Ненцы говорят – будет сильный мороз.

1 октября. 1935

Собаки гоняли двух песцов днем и одного вечером. Ни одного не поймали. Песца появилось много. Ежедневно кто-либо видит их вокруг фактории. Море начинает тороситься. Отдал лыжи в обшивку шкурами с ног оленя.

2 октября. 1935

Установил метеобудку на столбе. Днем чистил и убирал сети на зиму до следующего лета.

8 октября. 1935

Температура минус 10 градусов, метель. Взял со льдины пробы воды. Ночью высокая луна, чистое звездное небо и яркий Млечный Путь.

10 октября. 1935

Сделал флюгер для моей метеостанции.

Ходил по отливу на лыжах. Провалился два раза в воду.

4 ноября. 1935

Во время отлива происходит оседание льда в местах наименьшей его толщины, но это не влечет еще отрыва ледяных полей. Вероятно, отрыв происходит где-то у самой кромки льда.

Только сегодня тундра приобрела зимний вид. До этого времени снег лежал лишь по низинам. Возвышенности были открыты. Ветра сбивали снег в овражки. Сегодня впервые вся тундра покрылась снегом. Пользуясь последними солнечными днями, ненцы с конца октября двинулись к Белому острову для промысла дикого оленя. Пролив Малыгина за-

мерз, и через него есть возможность ехать на нарте.

7 ноября. 1935

С утра подъехало много ненцев. Мы устроили общее чаепитие с угощением. Я держал речь на ненецком языке. Шура Шулинин, лучше знающий язык, помогал

мне. После чая пошли стрелять в цель с премированием, потом провели борьбу, прыжки, игры на воздухе. Наконец самое интересное – олени бега. Время до вечера пролетело незаметно. Ненцы, пользуясь приездом на факторию, продавали пушнину и покупали товары. Фактория торгует день и ночь в любой праздник.

23 ноября. 1935

Моя «каюта» совсем не держит тепла: – 1,5–2 градуса, и только перед сном удалось получить плюс 20 всего на полчаса. Нельзя же все время топить железную печку. Сегодня без лампы сидеть днем было нельзя – темно. На окнах лед в полсантиметра.

Начальная школа идет регулярно, по утрам занимаюсь с двумя ребятами – Санчиком и Нюрой.

26 ноября. 1935

Днем в половине двенадцатого зажигаю лампу. Сегодня спать не ложился совсем. Сном стараюсь пренебрегать, чтобы не захватила цинга. Слежу за режимом сна на фактории. Жизнь в темноте располагает ко сну, а с ним подкрадывается цинга.

Дневник писать неловко – чернила мерзнут и темно.

Идет организация бригад. Один из лучших ударников Сюнзоко Тусида, добывший 35 песцов, боялся организации бригады под предлогом дележа добычи поровну. Несмотря на разъяснения о нелепости дележа уравниловкой, несмотря на полную его готовность создать бригаду, в решающий момент он отказался. Спустя много дней он приехал и заявил о своем желании организовать бригаду, она была организована. А потом стала даже лучшей.

Организовано восемь бригад ловцов песца. Я вывесил наглядный график ежедневных заготовок фактории, диаграмму соцсоревнования бригад. Около диаграммы толпятся ненцы. Заготовки усилились.

4 декабря. 1935

Замерзание губы произошло до Тамбея, а быть может, и еще немного севернее. Ни одного еще раза не отрывало льда ветрами. Во время оттепелей выступает наледь, она подходит порой почти к берегу.

15 декабря. 1935

Установили дежурства на фактории, и первое дежурство взял я. Обязанности дежурного – делать побудку в 7 часов, следить, чтобы никто не спал больше семи часов в сутки, следить за чистотой помещений, за правильным режимом дня.

Я проснулся под утро от стука в дверь. На будильнике 5 часов. Что такое?

Открываю – Някоче Езынги! Я же уговаривался с ним ехать стрелять тюленей!

Езынги на охоту отправился без меня, ездил шесть часов. Когда вернулся, за две нарты были привязаны по два тюленя и к лодке еще один. Тюлени крупные, длиной 130–140 сантиметров и в обхвате 100 см. Головы отрублены и брошены в море. Суеверие? Пока не знаю. Все в восторге от быстрой удачной охоты – вот так шаман! Он старается быть лучшим промысловиком, чтобы смыть шаманское прошлое.

И мы с Мишуковым решили ехать, несмотря на опасность промысла. Кромка льда в двух попрысках, то есть километрах в двадцати – двадцати пяти! Конечно, если оторвет, то сразу и знать не будешь. Только едучи назад, увидишь кругом льдины разводье. В прошлом году два раза отрывало лед у фактории Дровяной. Первый раз в ноябре, лед отнесло на один километр, здесь он встал и вновь примерз.

А второй раз в декабре, унесло совсем в море.

20 декабря. 1935

Прошлая зима была ветреная в сравнении с нынешней, здания фактории были доверху занесены снегом. Нынче же еще до половины.

Из письма семье. 25/XII–35

...Условия зимовки суровые. «Особняк» мой довольно холодный, это каюта с паузка, рассчитанная на 3–5 градусов мороза. Когда минус 30, то у меня в «квартире» – минус 5. И странное дело – я привык! Когда у меня плюс 8 градусов, мне кажется это вполне достаточным. Вот сейчас плюс 6 – руки не мерзнут, и я не тороплюсь разжигать печку. Сижусь без малицы, в кожаных кисах утепленных, брюках и вязаной рубашке – даже без фуфайки. Сплю в спальном мешке или в ягушке – тепло.

Сегодня я получил две телеграммы из Омска: одной меня уполномочили быть постоянным корреспондентом ТАСС, в другой запрашивают, куда высылать гонорар.

Режим нашей жизни оригинальный. К концу полярной ночи у нас путаются дни и ночи. Иногда я ложусь спать в 5 часов вечера и встаю в 11 ночи. Наступает мое «утро». Однако мы все боимся сна – за ним идет цинга. Поэтому мы завели распорядок с побудкою в 7 утра, но постоянно его кто-то срывает. Тогда я завел журнал сна, чтобы общее число часов сна не превышало шести – семи в сутки. Ежедневно занимаюсь физическим трудом, выхожу на капканы или катаюсь на лыжах.

На столе не переводится моченый горюх – противоцинготная профилактика. Борюсь энергично с зимовщиками, которые наплевательски смотрят на цингу: «Я зимовал! Меня не возьмет!». Это никчемное молодечество.

Когда придет конец зимы, выеду на Белый остров, потом на мыс Дровяной делать топографическую съемку. Учту барограмму, последний ветровой цикл – на падающем барометрическом давлении не поеду. Когда ветра нет или ветер до 7–8 метров в секунду, лед никогда не отходит, для этого нужно 12–15 и более метров в секунду. А такой ветер может

быть, только когда давление вдруг упадет на 15–20 миллиметров. Наконец, если и случится, что отойдет лед, в панику впадать не надо. Его вынесет, и на другом ветре он припаяется.

А мы ездим со многими оленями, на трех охотников у нас 10–12 оленей. Мы

можем 5–6 оленей съесть, жить на льдине в теплых одеждах хоть три месяца! При помощи оленей мы можем совершать переезд на 200–300 километров.

Поеду по чумам со статпереписью.

Из письма сыновьям. 25/XII–35

Милые мои сынки Пуля и Борисик!

Пишу отдельное письмо, потому что хочу описать подробнее охоту на тюленей, за которыми мы начали ездить.

У нас полярная ночь. Солнышко не всходит, а только розовеет южная часть неба, и на земле наступает серый день. Такие сумерки стоят часа три, где-то под горизонтом ползет солнышко.

Охота совершается в открытой незамерзшей воде моря, а у берега примерз лед. Надо по этому льду ехать до его кромки, до воды. Зимует мы на западном берегу Обской губы (залива), и если ветер восточный, то весь плавающий лед жмет к нашему береговому льду, и тогда открытой воды не увидишь. Ехать к ней тогда по некрепкому льду опасно. А вот когда ветер с берега, западный, он весь плавающий лед уносит в море, остается крепкий береговой, и на нем спокойно.

Нас поехало семь человек: ненцы суеверные, может быть, они нарочно так построили, чтобы ехало не больше семерых (у них священное число 7, счастливое).

Подъехали мы к кромке льда. Я смотрел на море. Оно спокойное, гладкое, как мертвое. Ненцы сразу же подошли к самой кромке льда и закричали в два-три голоса: «О-го-го! Э-гей-гей! О-го-го-го!» Смотрю – в полкилометре на гладкой ровной поверхности показался черный столбик, за ним – еще, еще. Тюлени! Ненцы продолжали кричать, часть тюленей нырнула. Через полминуты показалась голова уже в ста метрах! И не прячется, а быстро плывет к нам! Я продолжаю наблюдать – решил посмотреть, с какого расстояния начнут палить ненцы. У нас, у двоих русских, – карабины трехзарядные, а у ненцев – винтовки, малопульки, тозовки.

Тюлень на виду. Русский не выдержал и выстрелил. Пуля прошла выше, зверь нырнул. Сейчас же показались другие тюлени, и началась пальба. Я выстрелил два раза, но промазал. Через минуту один тюлень забарахтался в воде, но не нырнул. Ненцы бросились к маленькой лодчонке-калданке, которая стояла наготове у кромки льда. Ее быстро спустили в воду. Сел один ненец в лодку, взял в руки конец длинной веревки и отплыл, отгребаясь справа и слева длинным веслом, на котором выделаны две лопасти. Быстро подплыв к тюленю, который уже затих, он привязал веревку к лапте тюленя и велел тянуть к берегу. Скоро и лодка, и тюлень были на льду. Убили двух тюленей, хотя выстрелов было около семидесяти!

На другой день я опять поехал на охоту с двумя ненцами. Мы снова убили двух тюленей. Стрелять приходится шагов с 50–60. Иногда тюлень высовывается у самого льда, где мы сидим, шагах в пятнадцати! Но тут не успеваешь выстрелить, он быстро ныряет. Тюленей ободрали на льду, и мясо бросили. На другой день съездил один ненец и увидел, что мясо съедено белым медведем, следы были свежи, зверь был тут недавно.

Шкуру тюленя я распялил на деревяшки. Хочу сделать пимы и еще тужурку, да привезти шкуры две домой.

С НОВЫМ ГОДОМ, мои дорогие орлы!

27 декабря. 1935

На лед ездили четыре человека с заводов Мишуковым. Он сверлил лед, толщина 13–15 сантиметров. Воды они не видели. Очевидно, южный ветер силою около 15 метров в секунду не ломает льда. Интересно бы проверить ледообразование при южном ветре. Есть основания полагать, что зимою этот ветер действует как «сгонный» для воды, значит, он несколько опресняет воду, способствует скорейшему ледообразованию. Северный же ветер несет понижение температуры и, следовательно, усиление радиации. Конвекция, вероятно, при ветрах равной силы примерно одинакова. Усиление радиации тоже должно способствовать ледообразованию, но оно при северном ветре должно компенсироваться увеличением солености воды. Все это очень интересные вопросы, но я лишен возможности углубиться в изучение, так как нет достаточного снаряжения для изучения вертикальных процессов.

31 декабря. 1935

У края льдов идет интенсивная жизнь: видны следы белого медведя, масса следов песка – они ходят на место обработки нами убитых тюленей. Ненцы здесь поставили капканы. У вторых ропаков (торосов) я рассмотрел окрестность: у самых льдин идет большая трещина шириною до 35 сантиметров, видимо, льды на равнине осели, а торосы высотой до 5–6 метров, возможно, сидят на мели, не имеют осадки.

1 января. 1936

Сегодня у нас праздничный день. Встретили Новый год ужином, небольшим дружным пиршеством.

Утром приехали ненцы. Они не понимают этого праздника, так как не считают этого годов. Идет «тетедайры» – морозный месяц. Восходит луна среди «вечной ночи», небо сверкает северным сиянием, очередная зима – никакого конца и начала года нет. У ненцев в году «два года»: зима – год и лето – год. Мальчику лет 8 они дают на глаз – 15 лет. И удивляются, когда мы смеемся.

Рассказываем им о реконструкции народного хозяйства. Стоит проблема поднятия животноводства в стране, а в тун-

дре – оленеводства. Ямальская тундра с 1928 года потеряла до 150 000 оленей! Выполнение планов требует от факторий толкового маневрирования фондами, развертывания коллективных методов промысла, всестороннего учета работы и поощрения лучших.

19 января. 1936

Ветер с юга. Я начал замечать упадок настроения у зимовщиков. Кое-кто хмурится, заметна вялость. Ночь надоела. Не свободен от этого настроения и я. Дров у нас мало, уголь под толстым слоем снега. Только разгребешь, а вечная поземка за ночь заметет снова. Уголь стал мелкий, в моей печке не горит. Сплю, давно не раздеваясь, в меховой малице.

Вокруг фактории сугробы почти до крыши. Вырезали глубокую траншею в снегу, чтобы выезжать на собаках за водой. На окнах намерз лед до 8 сантиметров толщиной. Лед не тает, так как в комнате не бывает плюсовой температуры...

Цинга меня не пугала: я изучил ее на практике, помогая больным. Надо иметь крепкую волю, чтобы не поддаваться вялости, неподвижности, лености. Сон я держу давно в строгом режиме и в скучную полярную ночь не сплю больше 7 часов в сутки. Того же требую от всех зимовщиков. По-видимому, надо изменить рацион питания и перейти на сырую кровь и сырое мясо. Надо поехать в чум на несколько дней. Меня рад принять каждый чум здесь. Поеду в чум Някоче Езынги.

21 января. 1936

Някоче Езынги приехал на своих оленях и привел пустую нарту, запряженную моими оленями. Когда я сообщил ему о своем намерении выехать к нему в чум, он искренне обрадовался и предложил снять здесь капканы и откочевать с его чумом к мысу Позлово-сале, где промысел должен быть лучше. Мы поехали во льды, сняли капканы и к вечеру выехали к нему в чум.

Я рассчитывал, что его чум стоит недалеко от фактории. Мороз под южным ветром до 40 градусов, ночь темная, ни луны, ни северного сияния. Мне казалось, что мы заблудились, и на скорый приезд я потерял надежду. Однако часа через 3–4 мы все же подъехали к чуму. Там оказа-

лась железная печка. В 1928–1929 годах, когда я кочевал по всему Ямалу с печкой, ненцы мне доказывали, что они «не терпят» жить с такой печкой. Всего лишь 7 лет прошло, и на Ямале больше половины чумов обзавелись печками, которые я же изготовил в уральских артелях по своим чертежам и завез на пушнозаготовительные фактории. Вот и у Езынги печка. И дыма в чуме нет...

Нас, видимо, ждали, так как чайники были готовы. Ужин стандартный – мерзлое мясо с мерзлым же хлебом и горячим чаем. Больше ничего нет. Я достал банку рыбных консервов, масло, чекушку спирта, захваченную для первого свидания с хозяевами, и с нетерпением ожидал ужина с горячим чаем. Выпили по чарке, в чуме стало приятнее.

Спал я, как всегда, не раздеваясь, в меховой малице, ноги в гусе, а сверху накрыли теплыми ягушками. Утром проснулся и слышу – хозяйка уже возится у печки. Можно, значит, вставать. Я высунул нос из-под мехов и с удовольствием дышу морозным воздухом.

– Яле? (Свет, день?)

Когда слишком большой мороз, дым не выходит из чума и стоит в конусе плотной сизой массой. Подошва дымного конуса все опускается и заставляет сидящих лечь. Потом печка прогорает, дым поднимается и, наконец, уходит из чума. Об этом моменте и спрашивает хозяйка.

Я уже сижу и курю трубку. Поднимается Някоче, он голый – так ненцы спят ночью, утверждая, что в малице холодно, а без нее тепло. Но вставать голому на морозе в 5–10 градусов – вряд ли приятно. Я так и не привык и никогда не снимал малицы.

Наконец поднялся весь чум. Вчера решили сделать кочевку, так как олени пасутся здесь уже давно и могут сильно изломать ягель. Тогда он долго не вырастет. Никто, однако, не торопится закончить завтрак и скорее начать кочевку. Мы совещаемся о песцовом промысле и решаем отойти от фактории на север к мысу Дровяному километров на 40. Решаем промыслить совместно – трое мужчин – артелью, а продукцию делить на четыре части – одна часть на жену Някоче.

Мороз градусов 35–38. Женщины вынесли детей и усадили в нарту. Вынесли вещи – их много: ягушки, шкуры, ковры из фашин, доски, ящики, мешки. Я обошел стадо оленей, пока разбирали чум.

Каслаем с чумом к Поэлово-сале. Я не каслал уже давно. Было приятно вспом-

нить суету кочевания, загон оленей в круг (ёр), ловлю их на тындзьян (аркан – лас-со), разборку чума, увязку нарт. Нитка каравана двигалась по тундре, когда за-вечерело. Проехали на рысях километров 10–12. Хозяин уехал вперед и на одной горке воткнул в снег тюр: здесь будет чум. Началась медленная сборка чума. В ней участвовали мужчины. Дети в нарте плачут – это хорошо: значит, не замерзли, живы. Бывает, что детей привозят мертвыми. Сейчас к ним никто не подходит...

Поздно вечером вошли в чум. С утра не ели – голодно. Так как женщина одна, то и мужчины участвовали в постановке чума. Это прогресс, в прежнее время мужчины не брались за эту женскую работу. Приятно сидеть у костра в чуме, на новом месте: все как вчера – вещи на своих местах, а география жилища – другая, чум как будто чище. Кочевой быт способствует гигиене жилища. Больше всех работал молодой парень Манз, потом хозяйка, потом девочка, меньше всех – хозяин. Он просит разрешения взять вторую жену, одна не успевает, «не терпит» работать. Жена его тоже этого хочет... В самом деле, у нее грудной сынок, девочка четырех лет, а тут еще и работа по чуму.

Сначала поели мерзлого и стали играть в шашки. Потом сварилось мясо, поели и легли спать.

23 января. 1936

Встали рано. Манз и Нямата поехали за дровами к морю. Море теперь недалеко, но открытой воды нет и нельзя стрелять тюленей. Приходится ждать северного ветра – он даст волну, которая изломает лед. Стоим около залива Преображения. Утром пили чай два раза, днем – еще раз. Я занялся с девочкой – показываю ей картинки в книжке и рассказываю. Она в восторге. Когда смеркалось, приехал Някоче, опять пили чай. Поставили к чаю горячий олений жир с поджаренными жилками. Мне понравилось это кушанье. Мерзлый хлеб макаешь в жир, он застывает, как масло.

Някоче промерз. Снял малицу, показывает дыры и говорит: «Вторую жену надо – одна не терпит»... Она не справляется. Нанять домработницу нельзя – нет обычая ходить в чужой чум на время... В чуме Сюнзоко Тусида еще хуже – его жена больна после родов. Его положение совсем безвыходное. Неужели признать запрет двоеженства несвоевременным? Дико, но выходит так... Сейчас положение женщин невозможное. Многие больны. Жена Езынги – ревматизмом.

Приехали Манз и Нямата, привезли шесть нарт дров – богатство и тепло. Опять чай с сырым мясом и соленой рыбой. Потом я читал вслух ненецкие книги. Как только гаснет печь, чум быстро остывает.

Пришло время спать. Заключительный обильный чай с сырым и вареным мясом. Някоче сидит голый в ягушке – как терпит? Ребенок ходит голыми ножками по ледяным доскам пола. У него течет из носа, но он весел. Отец относится к нему нежно, греет ножонки, руки. Обычное дело, никого не удивляет.

24 января. 1936

Чуть забрезжил рассвет в чумной дыре, хозяйка встала, зажгла мигалку, затопила печь. Потом обила иней внутри чума. Топором отколола льда и бросила в чайник.

Минут через пятнадцать люди встали. Девочка Мэрику вылезает голышом на воздух, потягивается и ищет пимы. Натягивает их на голые ножонки...

Пьем чай. После чая мужчины вышли ловить оленей — куда-то хотят ехать. Я тоже вышел гонять оленей. Хорошее занятие, упреешь до отказа и думаешь: вот быт, при котором немислима цинга. Воздух, сырое мясо и здоровый сон. Някоче и Нярмата уехали смотреть капканы, а я

только по изменению красок зари. Эти краски в кристально чистом и морозном воздухе изумительно красивы. Можно вообразить широкую радугу, опрокинутую вдоль горизонта. Только нет красного цвета, он теряется в бездне, синеве неба, там фиолетовый цвет. В темном синем

остался с Манзом, читаю ненецкую книжку. Слушают с большим вниманием. До вечера мы пили еще два чая. Один с сырым мясом, другой с оленьим жиром. Перед вечером Манз ходил смотреть оленей очень долго. У него 25 оленей.

25 января. 1936

...Мы увидели новый месяц. Само по себе это событие ничего из себя не представляет. В «нашей зиме» мы на него не обращаем внимания. Но здесь — совсем другое дело. Езынги еще вчера спрашивал меня, когда будет новый месяц, и я сказал, что, наверное, сегодня, а может быть, завтра. Это «солнечный месяц»: кончилась полярная ночь, и мы снова увидим приветливые лучи. Неужели, наконец, ослабнут морозы? Сознание, что весна близко, подбодряет и веселит. На тонкий серый серпик указал Нярмата, когда мы с ним ставили капканы. В торосах, среди зыбкой неподвижности и тяжелых вздохов ломающегося льда серпик месяца показался родным, теплым, своим.

А когда мы, набрав плавника, ехали обратно к нашему чуму, сумерки медленно гасли. Здесь солнце идет где-то внизу, почти вдоль горизонта, и угасание дня заметно не по сгущению сумерек, а

небе сияет рог молодой Луны. Тянутся ленты северного сияния с яркими узлами и бантами.

Холод крепчает, олени сильно устали. Гусь под подбородком смерзся в ледяной панцирь, тонкая вылинявшая малица промерзла, руки застыли. Попеременно отогреваю их на груди. Ноги нельзя отогреть, я же еду не на пустой нарте, где попеременно подгибаешь под себя ноги — моя нарта нагружена плавником, собранным на берегу. Надо привезти в чум тепла... Сажу я на этом «тепле» верхом и балансирую, чтобы не слететь, особенно когда нарта насккивает на снежные заструги. Едем не менее двух с половиной часов. О такой поездке на Большой земле было бы на неделю разговоров, а тут мы даже не помянем в чуме, как мерзли.

26 января. 1936

Опять пошли гонять оленей. Куда теперь хотят ехать? Оказалось, за плавником на четырех грузовых нартах. В полдень — чай с сырым мясом. Чувствую, как физически крепну здесь, в чуме. Время от времени подтапливают печь. Сегодня мороз 35 градусов.

Я весь день составлял список необходимых товаров, записал около 150 назва-

ний. Когда стемнело, вернулись Някоче и Нямата с дровами. Они замерзли. Някоче сразу накинулся на мясо, и надо было видеть, с какой быстротой он его уничтожал. Когда поели, Някоче вдруг меня спросил: куда девается остальная часть Луны, когда виден серп. Я был удивлен:

он, видимо, давно об этом думал. Вместо ответа я взял чашку, поднял так, что на ней образовался серп и сказал:

— Смотри...

Он сначала не понял, а когда я указал на светлую и темную ее части, он был доволен объяснением. Долго толковали о вращении Земли...

27 января. 1936

Около полудня я вышел из чума и остолбенел от неожиданности: передо мною сияла верхушка солнечного диска! Долгожданный день! Пришло Солнце. Хотя сегодня оно и не оторвалось от горизонта, но оставалось на небе больше получаса. Значит, я ошибся в вычислениях на 5 дней. Очевидно, не принял во внимание какие-нибудь поправки сверх рефракции, которую ввел в расчет.

Я начал пристреливать винтовку и пристрелял хорошо. Сегодня я сделал важное открытие, касающееся теплоты тела на морозе. Я вышел на пристрелку в плоховатых кисах и чижках, надетых не на теплый носок, а на голую ногу и не только не заморозил ног, но им даже было жарко. Очевидно, мех греет голое тело и не греет его через прослойку.

Някоче сделал топорище из плавнико-

вой березы. Женщина шьет, девушка возится с ребенком, напевает. Мэрику тоже поет. В чуме холод, градусов 10–15. Сегодня женщины не топят печь без дела, как вчера. Не потому ли, что дома хозяин и при нем берегут дрова?

Мечтаем о горячем — третьем, вечернем, чае. Так тянется день.

...Вспомнили о погибшей в 1930 году полярнице Котовщиковой. Какие крепкие нервы надо здесь иметь! Не оказалось этого у Наташи, она писала в дневнике: «Все надоело, напрасно я приехала на зимовку. Не могу смотреть на оленьё мясо, хлеба давно нет, и нет весны. Сейчас в наших местах лето, радость, жизнь, а здесь...» Она выехала из чума с палаткой на мыс Хаген-сале одна и умерла от неизвестной причины. Ее нашли уже холодеющей.

30 января. 1936

...Почти весь январь нового 1936 года на фактории жили ненцы — член президиума Тамбейского Национального совета Майма Тусида и член Национального суда Кегелю Солиндер. Они принимают деятельное участие в работе фактории — в торговле, приемке песцов, ведут беседы с ненцами, наблюдают за правильностью отпуска товаров. Интересуются советским законодательством, географией Земли и небесной механикой, подолгу сидят над школьным атласом и слушают мои объяснения...

1 февраля. 1936

Хорошо в чуме. Пища состоит главным образом из мерзлого сырого мяса, часто — из свежего, теплого, с кровью. Миновали призраки цинги. У меня прекрасное настроение, быстрые движения сменили вялость. Я уже привык к чуму, должно быть. Он мне приятен, несмотря на дым от костра.

Манз ездил на капканы и сообщил, что один мой капкан унесен песцом. Песец оторвал проволоку, перекрутив ее много раз. Манз предложил мне взять одного из его песцов взамен ушедшего. Я отказался. В обращении с ненцами нельзя проявлять никакой корысти. Бескорыстие — их основная черта, и надо им платить тем же.

Фото из архива В. П. Евладова

Продолжение следует